

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ОТДЕЛЕНИЕ ЛИТЕРАТУРЫ И ЯЗЫКА
СОВЕТСКИЙ КОМИТЕТ ТЮРКОЛОГОВ
ИНСТИТУТ ВОСТОКОВЕДЕНИЯ
ЛЕНИНГРАДСКОЕ ОТДЕЛЕНИЕ

TURCOLOGICA

*К семидесятилетию
академика
А. Н. КОНОНОВА*

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»
ЛЕНИНГРАДСКОЕ ОТДЕЛЕНИЕ
ЛЕНИНГРАД · 1976

С. Г. Кляшторный

СТЕЛЫ ЗОЛОТОГО ОЗЕРА

(К ДАТИРОВКЕ ЕНИСЕЙСКИХ
РУНИЧЕСКИХ ПАМЯТНИКОВ)

Стелы с древнетюркскими рунами, найденные в междуречье Енисея и Абакана, в межгорных долинах к северу от Джойского хребта и в Койбальской степи, оказались среди первых, что создали великолепную эпиграфическую коллекцию Минусинского музея.

ПАМЯТНИКИ

Сто лет прошло, как крестьянин дер. Иудино (современное с. Бондарево) Е. Ф. Корчаков нашел две каменные плиты, лежавшие в нескольких саженьях друг от друга, в версте от небольшого озерца Алтын-кёль, и, вскоре после создания музея (1877 г.) его основатель, Н. М. Мартьянов, перевез обе стелы в Минусинск.¹ Наиболее подробное их описание составил в 1906 г. сибирский краевед-археолог А. В. Адрианов.² Первый памятник Алтын-кёля (АК-I) «имеет расширенный и округленный по узким граням верхний конец и узкий треугольный — нижний. Длина плиты 183.5 см, ширина вверху 43.5 см, внизу — 25 см, толщина 20.5 см. Три грани этой плиты покрыты руноподобной надписью, состоящей из 344 букв. Одна из широких сторон плиты представляет гладкую, хорошо сохранившуюся поверхность. На этой стороне вдоль краев идут две строки надписи, разделенные бороздой, причем внутренняя строка в нижней части плиты заворачивается поперек ее, в верхней части обе строки идут вдоль края по закруглению поперек плиты. Внутреннее пространство между строками ничем на плите не заполнено. Надпись по длине плиты тянется 137 см от верхнего ее конца, так что нижний конец плиты, предназначенный для вкапывания (около 56 см), был свободен от надписи. На этой стороне находится 149 букв. Они врезаны довольно глубоко и хорошо сохранились; высота букв 5 см, толщина штриха 3 мм. По узким граням плиты надпись идет в три строки, разделенных двумя бороздами. Она проходит, не прерываясь, и через закругленную верхнюю часть плиты и по длине занимает

такое же место, как и на широкой грани. Надпись на правом боку плиты сохранилась хуже, она стерлась, а на закругленном верху буквы едва видны и лишь кое-где; . . . здесь всего сто букв. Зато надпись левого бока сохранилась чрезвычайно отчетливо; буквы в 5—6 см высотой врезаны глубоко, при ширине штрихов в 5—6 мм, только нижняя треть строка, для которой на сколотом боку не нашлось места, имеет буквы ниже и частью переходит на заднюю грань. Надпись этой стороны состоит из 95 букв».³

Второй памятник Алтын-кёля (АК-II), случайно расколотый при ремонте музея на две части, «представляет плиту из плотного красновато-темносерого песчаника, таким же способом, как и предыдущая, отделанную, т. е. с закругленным верхним концом; только у этой плиты нижняя часть более широкая, чем верхняя. Длина плиты 105 см, ширина вверху 45 см, внизу 62 см, толщина 20 см. На широкой грани этой плиты, вдоль обоих краев и по закруглению вверху расположена надпись на 147 см в длину, в одну строку плохо сохранившихся букв, а под бороздой идет вторая строка едва заметных букв и только с левой стороны. . . По обоим узким ребрам плиты и по закругленному верху идут две строки букв, разделенных средней бороздой; здесь надписи глубже врезаны и лучше сохранились, особенно на левом боку».⁴

Как видно из описания, обе стелы типологически предельно близки друг другу, что подтверждается и палеографическим анализом памятников. В то же время они весьма отличаются от других стел с руническими надписями, обнаруженными в долине Енисея. Именно формальные признаки заставляют полагать, что стелы Алтын-кёля, установленные рядом, были изготовлены в одно время, по единому «шаблону», мастером (или мастерами) такой «камнешисной» школы, которая просуществовала очень недолго и не получила распространения на Енисее.⁵

Основные стилистические приемы этой школы: 1) закругление верха плиты и расположение надписи а) на широкой грани — в виде прямоугольника с закругленными углами, из одной или двух строк, обрамляющих незаполненную внутреннюю поверхность плиты; внутренняя поверхность дополнительно обрамлена строчной направляющей бороздой, служащей верхним или нижним основанием знаков; б) узкие грани различены прямыми строчными бороздами, задающими высоту знаков. 2) Надпись располагается на трех гранях, оставляя незаполненной тыльную сторону, на которую лишь иногда переходит не вмещившаяся на боковой стороне часть знаков. 3) Некоторая часть знаков лицевой стороны АК-I расположена бустрофедоном. 4) Оба памятника не несут на себе тамговых знаков, обычных для преобладающего большинства енисейских памятников.

Генетические корни некоторых приемов очевидны — строчные борозды или их наметки характерны для больших памятников Орхона, датируемых третьим—шестым десятилетиями VIII в.

Уже в руническом тексте Карабалгасунского памятника (третье десятилетие IX в.) строчные борозды отсутствуют. Расположение строк бустрофедоном также восходит к ранним памятникам Монголии — Чойрэнскому (начало девяностых годов VII в.)⁶ и Ихэ Асхетскому (начало VIII в.).⁷ Окаймляющее расположение надписи характерно для Ихэ Ханын-норской плиты (Центральная Монголия, первая половина VIII в.).⁸ Все эти приемы, взятые в целом, не выводят нас за пределы первой половины VIII в. и указывают на прямую связь с «каменписной» школой второго Тюркского каганата.

Лишь некоторые памятники Минусинской котловины (но не Тувы) имеют определенные типологические сходжения с памятниками Алтын-кёля. Такова надпись Минусинского музея (Е-42), где на каждой из четырех граней памятника имеется одна строчная борозда. Происхождение этого памятника неизвестно. Таков третий памятник с Уйбата (Е-32), один из наиболее величественных памятников Енисея. На его двух широких гранях видны следы окаймляющей плиту по краю строчной борозды; однако, в отличие от памятников Алтын-кёля, внутренняя поверхность плоскости также заполнена надписью, строки которой не ограничены бороздами. Существующие чтения надписи нуждаются в серьезных коррективах, но, как теперь очевидно, надпись датируется первой половиной VIII в. И, наконец, таков памятник дер. Очура (~Ачура), открытый в 1857 г. в Койбальской степи, примерно в 70—80 км к северо-востоку от Алтын-кёля. Эта стела разливана по трем граням строчными бороздами; на каждой из трех граней по четыре строки, расположенные бустрофедоном. На тыльной стороне имеется приписка из 11 знаков. Дукт надписи совершенно сходен с дуктом надписей Алтын-кёля. К сожалению, надпись повреждена и сохранилась лишь фрагментарно.

Порядок чтения памятников Алтын-кёля не был предметом обсуждения. При первой публикации В. В. Радлов выделил как начальный наиболее длинный текст лицевой стороны. Х. Оркун и С. Е. Малов эту последовательность чтения повторили. Между тем, формальные признаки позволяют считать, что начальным в обеих надписях был текст левой стороны; знаки двух инициальных строк здесь примерно на 0.5—1 см выше, штрих значительно шире и врезан глубже.⁹ Обе надписи открываются одной и той же инициальной фразой, специфичной только для этих двух памятников и укрепляющей предположение об одном авторе обоих текстов.

ТЕКСТ

Отмеченная В. В. Радловым плохая сохранность части текстов (особенно АК-II) и ошибки, допущенные при ретушировании эстампажей, выполненном Н. П. Евстифеевым (Минусинск, 1893 г.), предопределили многочисленные неясности и неточности чтения

надписей.* При обследовании памятников автором в 1972 г. некоторые из ошибок воспроизведения удалось исправить, что позволяет предложить новое чтение и перевод надписей.¹⁰

АЛТЫН - КЕЛЬ I

Л е в а я с т о р о н а :

(1) (7) on aj eltdi ögüm a kelürti elimke erdem üçün men jerledim (2) (8) elim ökünçüne qalyn jaýyqa qyjmatyn tegipen adyryldym jyta (3) (9) iniñizke iñiñizke ingen jüki ild tüsürtiñiz

Л и ц е в а я с т о р о н а :

(4) (1) jerdeki bars etigim a erdemligim a bökme[dim] (5) (2) atasyz alp ertiñiz it utsar köç ert(t)iniñiz a inilig bürt uç a bars adyryлма jytu (6) (3) [bu?] atymyz umaj begimiz (begmiz) biz uja alp er özin alty er almadyñ özlük at özin üç qag almadyñ jyta ezünçüm a közünçüm a adyryлма seçilenmü ögürdim[iz]

П р а в а я с т о р о н а :

(7) (6) altun şuña jyş kejiki artγyl toγ(γ)yl at ud açun a barsym adyrylu bardy jyta (8) (5) tört inelgü ertimiz bizni erklig adyrtı jyta (9) (4) er erdem üçün inim eçim ujaryn üçün benümin tike berti

Перевод:

(1) Десять лун она носила (меня), моя мать! Она принесла (меня) моему элю. Я утвердился на земле благодаря моей доблести. (2) Я храбро сражался с многочисленным врагом и покинул мой эль, (оставив) его в раскаянии. Увы! (3) Своим младшим и старшим братьям Вы снимали-сгружали верблюжьи вьюки (с дарами). (4) Тем, что было на земле — моими деяниями и моей доблестью — я, Барс, не пресытился! (5) Без отца Вы героем были! Когда псы преследовали (дичь), Вы проносились мимо кочевий! Сгинь, [дух] смерти со своей младшей братией! О, Барс, не покидай (нас)! Увы! (6) Наше звание. . . , наш бег — Умай (вар.: наше звание таково — мы умай-беги), мы храбрые воины (нашего) рода-племени (вар.: мы родичи, храбрые воины)! Увы! Шестерых мужей с собой ты не взял! Скакуна с собой ты не взял! Трех сосудов с собой ты не взял! О, моя драгоценность! О, мое сокровище! Не покидай (нас)! мы (прежде) радовались. (7) О, дичь золотой черни Сунга, множься! Рождай (свое потомство)! Мой Барс покинул коней и быков, (весь этот) мир, он ушел! Увы! (8) Нас было четверо высокородных. Эрклиг разлучил нас. Увы! (9) Ради моей воинской доблести, ради могущества моих старших братьев и моих младших братьев мне воздвигли (этот) вечный памятник.

* Подлинники эстампажей хранятся в Рукописном отделе ЛО ИВ АН СССР и использованы при подготовке статьи.

Л е в а я с т о р о н а :

(1) (5) on aj eltdi ögüm oγlan toγdym erin ulγatym (2) (6) elimde tört tegzindim erdemim ücün ynanču alp ačynt[y]

Л и ц е в а я с т о р о н а :

(3) (1) erdem bulsar bodunyγ erk bodunyγ . . . tym eren uluγ a erdemig baturmyš (4) (2) erdem elim bulsar bodun esrük jürümedi erinčim ikizime (5) (3) qujda qadašyma qunčuγyma adyrylu bardym men oγlymqa. . . bodunymqa bökmedim (6) (4) sekiz qyrq jašyma. . .

П р а в а я с т о р о н а :

(7) (8) er erdem ücün tüpüt qanqa jalabač bardym kelmedim (8) (7) er erdem bulsar andaγ ermis esiz men altun qyrqa kirtim

П е р е в о д :

(1) Десять лун она носила (меня), моя мать! Я родился мальчиком, я вырос воином. (2) Четырежды я уходил из своего эля и (четырежды) возвращался. За мою доблесть Ынанчу Алп вознаградил (меня). (3) Я (покинул?) доблестный народ булсаров, могучий народ. О, Эрен Улду! Он погубил (свою) доблесть. (4) Мой доблестный эль, народ булсаров, не ходил растерянным (из-за своих несчастий). Мое горе — своих близнецов, (5) своих подружка-княжен в теремах я покинул! На моих сыновей. . . , на мой народ я не нагляделся! (6) В свои тридцать восемь лет. . . (7) Ради (своей) воинской доблести я ходил послом к тибетскому кагану. Я не вернулся. (8) Доблестные булсары такими вот (героями) были. О, горе! Я ушел в Золотую степь.

П р и м е ч а н и я :

АК-1, стк. 1: а) О выражении 'десять (лунных) месяцев она носила (меня)' см. МЕПТ, 55: Bazin L. Les calendriers turcs anciens et medievauх. Lille, 1974, p. 134; (далее: Bazin, Calendriers); б) Глагол jerle- 'обживать, осваивать какое-либо место', ср. ДТС. 258: 'я освоил (это место) благодаря моей доблести'. **Стк. 2:** а) qujmatun, вслед за С. Е. Маловым, я перевожу 'храбро', ср. ДТС 442: 'я умер, храбро сражаясь с многочисленным врагом'. б) ökünç 'раскаяние, сожаление', ДТС, 383; Севортян Э. В. Этимологический словарь тюркских языков. М., 1974, с. 524 (далее: ЭС). **Стк. 3:** а) в тексте не ipez (МЕПТ, 55), а ild 'спускать, снимать', синонимично tüšürt-; здесь парное выражение. **Стк. 4:** а) Чтение bars отчетливо на всех эстампажах, что отмечает также Д. М. Насилов.¹¹ Ср., однако, МЕПТ 53. б) etig 'дело, деяние' ДТС 187. **Стк. 5:** а) В тексте не ЧҮᠠᠭ atsar (МЕПТ 53), а ЧҮᠠᠭ atasyz.

б) Слово *it* 'пёс' в руническом наборе С. Е. Маловым обозначено в скобках, в транскрипции и переводе опущено (МЕПТ 53). На эстампажах оно отчетливо. в) Замена очевидного на эстампажах **ᚱᚦᚢᚳ** *bürt* на **ᚱᚦᚢᚳ** *böri* (МЕПТ 53) 'волк' совершенно неоправдана. Слово *bürt* в других рунических памятниках не отмечалось. В памятниках XI в. оно выступает как архаичное. Согласно Махмуду Кашгарскому, *bürt* 'ночной кошмар', *bas bürt tut* 'внезапно схватить кого-либо'. Ср. Clauson, p. 358 (< *bür-* 'обманием скручивать жертву').¹² К. К. Юдахин регистрирует в киргизском языке *mürt* 'внезапная смерть', *bürt ket-* или *bürt ol-* 'скоростижно умереть'.¹³ Ср. также РО IV, 1400: телеутское *piürtj-* 'истреблять'. Контекст надписи позволяет видеть здесь обозначение духа внезапной (?) смерти; указание на братьев и других 'родственников' божества (духа) обычно для пантеона тюркских народов.¹⁴ **Стк. 6:** а) Культ Умай, женского божества плодородия, в древнетюркских государствах модифицировался также в культ покровительницы высших аристократических кругов кочевой знати.¹⁵ б) В тексте не *alt²y qyl-*, а *alt²y er al-* в) *özlük at* 'скакун', ДТС 395, г) В тексте не **ᚱᚦ** *erig* (МЕПТ 53), а **ᚱᚦ** *qag*, то есть вин. пад. от *qa* 'сосуд', ДТС 399. д) Вместо чтения *umaj beg biz* на неретушированном эстампаже (РА) очевидно чтение *umaj begimiz*, которое правильно предположил Д. М. Насилов.¹⁶ е) Семантика парного сочетания *ežünč (?) — köžünč* определена по значению второго составляющего — 'сокровище', ДТС 324; ж) Предположительное чтение *sečilenmü (?)* мне расшифровать не удалось; *ögürdim [iz]* читается по тексту и неретушированному эстампажу. **Стк. 7:** а) Эта строка, в которой все знаки были верно определены и воспроизведены как на эстампажах, так и в исследованиях, читалась, тем не менее, с отступлением от самых обычных норм, что привело к совершенно неоправданным натяжкам в интерпретации. Между тем, она содержит лишь одно трудно идентифицируемое сочетание знаков: **ᚱᚦᚱᚳᚱ**, которое мы, с некоторой долей сомнения, интерпретировали в переводе; слово *ačun* (из согдийского *zwn*) 'земной мир' необычно для енисейских текстов, однако следует иметь в виду, что в них встречается *mač* (МЕПТ, индекс) 'наставник, учитель', проникшее в древнетюркский, через согдийский, из арамейского;¹⁷ б) Ср. Е-48, 4: *ič jer elki artzun* 'пусть множатся косули внутренних земель!' (МЕПТ 94—95). **Стк. 8:** а) *inel* 'высокородный, лицо из ханского рода', ДТС 209, б) *erklig*, Эрклиг — владыка подземного мира в древнетюркском пантеоне (Эрклиг-хан), заимствовано в монгольский в форме 'Эрлик-хаган' (последняя форма воспринята тюркскими языками Сибири), ср. Clauson, p. 224. В этом тексте (АК-I) слово впервые идентифицировано А. фон Габэн.¹⁸

АК-II, стк. 1: а) Возможности чтения знака в словах *elt-* (*il-*), *el* (*il*), *esrük* (*isrük*) приводит А. М. Щербак;¹⁹ б) Ср. в над-

писи д. Очура (Е—26); oγlan toγdy ‘родился мальчиком’. *Стк. 2:* а) Ср. ДТС 549; ‘Из своей страны я уходил и возвращался четырёхжды’; б) **𐰽𐰺𐰸** С. Е. Малов читает (i) čintä ‘среди’ (МЭПТ 57), предполагая далее лакуну. Однако лакуны здесь нет, и потому очевидно чтение финитной формы глагола (a) čyntu ‘он вознаградил, оказал милость’. Тем самым определяется и имя государя — Ынанчу Алп; ср. надпись д. Очура, стк. 1: ‘Правитель государства Ынанчу Бильге’. *Стк. 3:* а) Дискуссию о народе булсар/болсар (‘большар’) см. у С. Е. Малова, который, однако, сделал попытку интерпретировать это слово иначе, чем этноним. Нам представляется несомненно правильным чтение слова как этнонима, предложенное В. В. Радловым. б) По В. В. Радлову и С. Е. Малову, ег атым еген uluγ ‘мое геройское имя Эрен Улуг’. При этом чтении странно выглядит винительный падеж дважды повторенного в начале строки bodunuy. Между тем, читаемое В. В. Радловым (e)г на неретушированном эстампаже, как и в оригинале, неразлично, что заставляет предположить в -tym финитную форму глагола (прош. вр., 1 л.), скорее всего со значением ‘покинул’. в) Конец строки С. Е. Малов читает batur män ‘я герой’; такому чтению, однако, препятствует винительный падеж предшествующего слова, как впрочем и не характерная для рунических памятников форма batur. На неретушированном эстампаже конечное -γ, однако, не читается, заметна лишь часть осевой черты: **𐰽**-muš. Поэтому, предпочтительно чтение baturmys < batur- ‘утопить, погубить, скрыть’. Ср. Е-26, 5: erdem ölti ‘его доблесть умерла’ (МЭПТ 49, надпись д. Очура). *Стк. 4:* а) esrük ‘пьяный, буйный’, ср. ДТС 184, восходит к глаголу isir/esir- ‘терять ясность сознания’, ‘терять память’ ‘растеряться’, ср. РО, I, 1527; ЭС 309—310. б) eginč ‘горе, несчастье’ (ДТС 178); менее вероятно eginčü ‘грех, проступок’ (там же); ekiz/ikiz ‘близнецы’ (ДТС 168); ЭС, с. 252—254. *Стк. 6:* Л. Базен полагает, что лакуна в конце строки испортила слово со значением ‘умер, погиб’ — Bazin, Calendriers, p. 123. *Стк. 7:* а) jalabač / jalavač ‘посол’; этот же термин в сходном контексте в надписи Уйбат-I (Е-30). Можно отметить, таким образом, что везде, где в енисейских надписях речь определено идет о посольстве, употреблен термин jalabač, а не elči. Значение ‘посол’ для последнего термина в енисейских рунических текстах сомнительно. б) Последнее слово С. Е. Малов читает kelürtüm ‘я принес, доставил’. Предпочтительнее, однако, хорошо обоснованное чтение Л. Базена kelmedim ‘я не вернулся’ (Bazin, Calendriers, p. 112). *Стк. 8:* а) С. Е. Малов читает в тексте esin Эсин, еще одно собственное имя героя надписи. Предпочтительнее чтение esiz ‘о, горе!’, ‘какая жалость!’. б) Чтение В. В. Радлова, повторенное С. Е. Маловым, çaraγca (?) исправлено Х. Н. Оркуном на çuγca ‘в степь’ (Orkun III, 105, 107). Выражение ‘ушел в Золотую степь’ в контексте надписи синонимично выражению ‘ушел в загробный мир’.

ГИБЕЛЬ БАРС-БЕГА

Повествование в АК-II ведется от имени героя эпитафии, в первом лице, и лишь в стк. 3 содержится «авторская ремарка», называющая имя героя и «подтверждающая» факт его гибели. Значительно сложнее построение АК-I. Изложение от имени героя эпитафии (в первом лице) ведется в стк. 1, 2, 4, 9. Как и в АК-II, экспозиционной завязкой, служащей изначальной точкой отсчета времени повествования, является необычное для енисеики сообщение о рождении героя (ср., однако, надпись Тоньюкука). Вся «автобиографическая» часть АК-I заключена в стк. 1—2, причем выделены моменты рождения и гибели в битве с более многочисленными врагами. Здесь же содержится косвенный упрек элю (то есть древнекыргызскому государству или, по крайней мере, его аристократической верхушке), не сумевшему отстоять героя эпитафии.

Свое имя — Барс — герой называет, горюя о том, чем 'не прсытился' он на земле (стк. 4); наконец, в последней строке, еще раз напоминая о своей воинской доблести, герой упоминает тех, чьей волей воздвигнут памятник, — своих братьев. От их имени ведет повествование один из братьев (ср. афф. принагл., 1 л., ед. ч., в стк. 7). Упоминаются щедрость погибшего к братьям (стк. 3), их происхождение из ханского рода (inel) и число — четверо братьев, 'разлученных Эрклигом' (стк. 8), трудный путь покойного к подвигам и его охотничья страсть (стк. 5) — все это вперемешку с заклятиями и призывами к покойному, явно восходящими к традиционным формулам оплакивания. Наиболее сложна авторская атрибуция стк. 6; текст выходит за рамки повествования от лица братьев, и, быть может, рассказ переходит здесь к упоминаемому 'шестерым мужам', уцелевшим в битве; в надписи Уйбат-3 (Е-32) они названы 'шестью доблестными бегами'.¹⁹ По всей вероятности, они являлись правителями шести племен — 'уделов' древнекыргызского эля (ср. Е-1, Е-5, Е-49). По смыслу сообщения этой строки, тело героя, павшего на поле битвы, не было погребено должным образом.

Итак, герой эпитафии пал в неравном бою с многочисленными врагами, причем его эль потерпел жестокое поражение, ибо не только не смог сберечь воина из ханского рода, но даже предать его тело погребению по обряду. Кто был этот воин, имя которого было — Барс, а место, где он жил и погиб, — чернь Сунга? ²⁰

Рассказывая об обстоятельствах кыргызского похода зимы 710—711 гг., шад тардушей и будущий Бильге-каган второго Тюркского каганата называет имя вождя своих врагов: '. . . был Барс-бег. Это мы дали ему титул кагана. И мы дали ему в жены мою младшую сестру — княжну. Но он изменил (нам). И вот каган был убит, а (его) народ стал рабами и рабынями'. (КТб 20): 'проложив дорогу по снегу глубиной с копые и поднявшись на Кёгменскую чернь, мы разбили кыргызский народ, когда он спал. С их каганом мы сразились в черни Сунга. . . Кыргызского ка-

гана мы убили, а его эль взяли' (КТб 36). Аналогичное повествование содержится в собственной надписи Бильге-кагана (БК 27) и в надписи Тоньюкука (Тон 24—28).²¹

Совпадение обстоятельств, места (чернь Сунга) и имени главного героя (Барс) не оставляют сомнений в правильности идентификации описаний орхонских текстов с описанием енисейской надписи. Определяется и дата АК-I (711 г.).

КЫРГЫЗСКИЙ ПОСОЛ В ТИБЕТЕ

Как уже отмечалось, не вызывает сомнений и практическая одновременность сооружения АК-I и АК-II. Между тем, предложена иная датировка АК-II в связи с упоминанием в надписи посольства 'к тибетскому хану'. Л. Базин полагает, что политические контакты между кыргызами и тибетцами не могли возникнуть ранее сокрушения кыргызами Уйгурского каганата и их появления в Монголии, так как только в период между 840—848 гг. кыргызы были прямо заинтересованы в союзе с тибетцами. Именно к середине IX в. и отнесена интересующая нас надпись (Bazin, *Calendriers*, p. 112—113).

Оценка обстановки и вытекающая из нее дата здесь базируются на предположении об отсутствии дипломатической инициативы у кыргызского эля до победоносных войн с уйгурами. Между тем, это не так — кыргызский хан с меньшей настойчивостью искал союзников против грозного врага — государства тюрков — с момента возрождения каганата в конце VII в. Некоторые направления поисков названы Тоньюкуком (Тон 19—21), а одно из них, не отраженное в тюркских надписях, но упомянутое в АК-II, подтверждается перекрестным сообщением китайского источника: в 7-ю луну 5-го года Цзин-лун, то есть в августе—сентябре 711 г., император Жуйцзун получил сообщение, что в Тибете находится прибывшее туда ранее кыргызское посольство, 'не желающее входить в Хань'. Сведения о поведении кыргызов распространились среди северных соседей империи, что серьезно обеспокоило Жуйцзуна.²² Именно об этом, едва ли не первом кыргызском посольстве в Тибет и рассказывает стела Эрен Улуга, погибшего на чужбине. Здесь же содержится тронное имя Барс-бега — Ынанчу Алп.²³ Если принять отождествление с 'правителем эля', упомянутым в Е-26 (Очура), то более полной формой тронного имени было Ынанчу Алп Бильге.

В заключение отметим, что новая интерпретация енисейских текстов из Хакасско-Минусинской котловины позволяет с высокой степенью достоверности выделить группу текстов, датируемых первой половиной VIII в.: надписи Алтын-кёля, третью Уйбатскую надпись, надпись д. Очура. К этой же группе следует отнести первый памятник с Уйбата (Е-30) и третий памятник с Тубы (Е-37), датируемые Л. Базэном серединой VIII в. (Bazin, *Calendriers*, p. 108—109). Оба памятника, однако, могут быть отнесены к тому же времени, что и стелы Золотого озера.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ О первоначальном местонахождении надписей и обстоятельствах их открытия см.: К л е м е н ц Д. 1) Древности Минусинского музея. Памятники металлических эпох. Томск, 1886, с. 40, 178; 2) Библиография. — Изв. ВСОРОГО, т. XXI, № 2, 1890, с. 62; A s p e l i n J. R. Decouverte des inscriptions de l'Jéniissei. II, p. 10—11.

² А д р и а н о в А. В. Описание. — ЛО ААН, ф. 2, оп. 2, № 12, с. 179—183.

³ Там же.

⁴ Там же.

⁵ Издание памятников см.: РА, табл. LXXXI, XC, XCI; II, pl. XXI—XXII. Публикации текстов см.: АТІМ 332—336; O r k u n Н. N. Eski Türk yazıtları, с. I—IV. Istanbul, 1936—1941 (далее: Orkun), III, 11, 101—111; МЕРТ, с. 52—58 (Е-28, Е-29).

⁶ К л я ш т о р н ы й С. Г. Руническая надпись из Восточной Гоби. — In: «Studia Turcica», Budapest, 1971, p. 251.

⁷ РА, табл. LXXXIV.

⁸ РА, табл. LXXI, LXXIII.

⁹ Ср., напр., инициальную строку надписи Тоньюкука (РА, табл. СІХ).

¹⁰ Я даю свою нумерацию строк (первая цифра), отмечая также нумерацию С. Е. Малова (вторая цифра курсивом). Пользуюсь случаем выразить признательность Л. Ю. Тугушевой за ценные замечания к предложенному здесь чтению и переводу памятников.

¹¹ Н а с и л о в Д. М. Некоторые замечания к прочтению енисейских памятников. — В сб.: «Письменные памятники Востока. Историко-филологические исследования. 1971». М., 1974, с. 209.

¹² Divanü Lûgat-it-türk tercümesi. Ankara, 1939, I, 341, II, 10; C l a u s o n G. An Etymological Dictionary of Pre-Thirteenth Century Turkish. Oxford, 1972.

¹³ Ю д а х и н К. К. Киргизско-русский словарь, М., 1965, с. 168, 543.

¹⁴ Ср., например: Т р о щ а н с к и й В. Эволюция черной веры у якутов. Казань, 1902, с. 64; А н о х и н А. В. Материалы по шаманству у алтайцев. — МАЭ, т. IV, вып. 2, 1924, с. 1—16. Особого бога смерти отмечает у башкир Ибн Фадлан (X в.), см.: К о в а л е в с к и й А. П. Книга Ахмеда ибн Фадлана о его путешествии на Волгу, Харьков, 1966, с. 131.

¹⁵ П о т а п о в Л. П. Умай — божество древних тюрков в свете этнографических данных. — ТС, 1972, М., 1973, с. 285—286.

¹⁶ Н а с и л о в Д. М. Некоторые замечания. . . , с. 209.

¹⁷ О влиянии на древнекиргизскую культуру христианства и манихейства, с их согдийской терминологией, выработанной в Средней Азии, см.: К л я ш т о р н ы й С. Г. Историко-культурное значение Суджинской надписи. — ПВ, 1959, № 5, с. 162—169.

¹⁸ G a b a i n A. v. Inhalt und magische Bedeutung der alttürkischen Inschriften. — «Anthropos», Bd. 48, 1953, S. 554; Roux J. F. La mort chez les peuples altaïques anciens et medievales. Paris, 1963, p. 62. Об Эрлике см. А н о х и н А. В. Материалы по шаманству. . . , с. 1—16.

¹⁹ Щ е р б а к А. М. Енисейские рунические надписи. К истории открытия и изучения. — ТС, 1970, М., 1970, с. 130.

²⁰ Новую интерпретацию текста см.: К л я ш т о р н ы й С. Г. Храм, изваяние и стела в древнетюркском погребальном обряде. — ППИПИКНВ, X, М., 1974, с. 69.

²¹ Более подробно см.: К л я ш т о р н ы й С. Г. Древнетюркские рунические памятники как источник по истории Средней Азии. М., 1964, с. 137—139.

²² Цэфу юаньгуй, т. 12, цз. 974, с. 11445. Переводом сообщения я обязан любезности Л. Н. Меньшикова.

²³ Об обязательном тронном имени в древнетюркских государствах см. в статье М. Мори в настоящем сборнике.